

Этот ответ Линь Гошэна несколько удивил господина Чу. Он полагал, что такая перемена в старом друге, исчезновение из его облика той гнетущей усталости, объяснялась тем, что Линь Гошэн, прожив долгую жизнь и приблизившись к почтенному возрасту, наконец, всё для себя решил и обрёл покой.

И вот теперь его старый друг говорит, что не может уйти из-за внука.

До появления Фэйфэя Линь Гошэн практически полностью передал управление компанией Линь Цзинли, а своё личное имущество распределил в завещании. Всё должно было оставаться в распоряжении Ян Юйин, пока она жива, а после её смерти — делиться поровну между Линь Цзинли и Линь Сынянем.

О своём решении Линь Гошэн не говорил прямо, но вся семья в тот период ощущала некую негласную договорённость и предчувствие.

Ян Юйин, как его жена, прожившая с ним бок о бок много лет, тоже что-то почувствовала, но не стала возражать.

Она уважала выбор мужа. Она выбрала молчание.

Но в этом молчании таилась неуловимая грусть.

На кухне Ян Юйин, нарезаая овощи, бросила взгляд на двух стариков, которые о чём-то беседовали за шахматной доской. Отвернувшись, она едва заметно улыбнулась и продолжила резать. Но, возможно, из-за лука, её глаза внезапно наполнились слезами.

Она прожила на свете почти шестьдесят лет. Можно сказать, ей повезло: в молодости она встретила Линь Гошэна, на старости лет её сыновья были дружны, оба — выдающиеся люди, и к ней относились с почтением. У неё самой было хобби, которому многие завидовали и которое приносило ей чувство удовлетворения.

Но только сейчас она по-настоящему ощутила, что в этой жизни у неё больше нет никаких сожалений.

Если и было о чём просить, то, как и её старик, она молила небеса дать ей ещё лет десять-двадцать жизни, чтобы увидеть, как вырастет её маленький внук, а в идеале — как он создаст свою семью и проживёт долгую и счастливую жизнь.

Честно говоря, она беспокоилась за Линь Сыняня. Её второй сын до сих пор не был женат. А что, если он женится, и его жена, узнав, что у него есть ребёнок от добрачных отношений, будет плохо относиться к Фэйфэю? Она насмотрелась и наслушалась достаточно историй о

грязных интригах в богатых семьях.

Сейчас Линь Сынянь казался надёжным и очень любил Фэйфэя. Но что, если?.. Что, если с появлением мачехи он превратится в отчима для собственного сына?

Если она не доживёт до этого времени, кто заступится за её маленького внука, когда его обидят?

Чем больше Ян Юйин думала об этом, тем твёрже становилось её решение. Вернувшись домой, она начнёт делать утреннюю зарядку вместе с Линь Гошэном. И все эти рецепты для поддержания здоровья тоже пора пустить в ход.

Самоубийство? Даже не думать об этом. Жить, сколько отмерено!

Линь Сынянь, находившийся в это время на съёмках рекламы, вдруг почувствовал, что у него зачесался нос и захотелось чихнуть.

Он и не подозревал, что в глазах Ян Юйин уже превратился в непутёвого сына, от которого стоило ждать, что он с появлением мачехи станет отчимом.

Тем временем наверху, в комнате Чу Сяоханя.

Две маленькие головки, Фэйфэя и Чу Сяоханя, склонились над книгой. Они пролистали уже почти половину.

Фэйфэй указал на что-то круглое и тёмное на странице и спросил:

— Братик Сяохань, что это?

Чу Сяохань поднял глаза и ответил:

— Картошка.

Потом, боясь, что малыш не поймёт, добавил:

— Её едят.

Услышав, что это едят, Фэйфэй ещё раз внимательно рассмотрел эту так называемую «картошку» и уверенно покачал головой.

— Невкусная.

Выглядит невкусно.

Оказалось, малыш был скрытым ценителем прекрасного.

Чу Сяохань задумался. Он и сам не любил картошку. Поэтому он согласно кивнул:

— Да, действительно невкусная.

Перелистнув страницу с картошкой, Фэйфэй увидел что-то красное, похожее на фрукт, и снова спросил.

Чу Сяохань ответил:

— Это помидор.

— Этот вкусный, — заключил малыш. Красненький, сразу видно, что вкусный.

Чу Сяохань снова задумался. Помидоры с яйцом, которые готовили на кухне, были кисло-сладкими и действительно вкусными.

— Да, этот вкусный.

Постепенно они дошли до страницы, где были нарисованы два остроконечных плода — один красный, другой зелёный.

На этот раз Фэйфэйю даже не пришлось спрашивать, Чу Сяохань сам начал объяснять:

— Это острый перец.

— Вкусный! — уверенно заявил Фэйфэй, разглядывая картинку.

— Вкусный, — кивнул Чу Сяохань.

Господин Чу любил острую пищу, и Чу Сяохань, видимо, унаследовал эту черту — с детства не боялся острого. Правда, детям много острого есть вредно, поэтому господин Чу ему много и не давал.

Стоявший за спинами малышей дворецкий выглядел немного странно. Он хотел было что-то сказать, но не знал, стоит ли. В конце концов он решил промолчать. Молодой господин редко играет со сверстниками, и он так счастлив. Не стоит портить ему настроение и ставить в неловкое положение перед другом.

Прошло несколько часов. На ужин господин Чу пригласил семью Линь остаться, и Линь Гошэн не стал отказываться.

Ян Юйин провела на кухне весь день, готовя закуски к выпивке. Когда шахматная партия закончилась и пришло время для аперитива, день уже клонился к вечеру, и только тогда Ян Юйин вынесла несколько тарелок с приготовленными ею блюдами.

На ужин Линь Гошэн ни за что не позволил ей готовить, опасаясь, что они сядут за стол только к полуночи.

Они всё-таки в гостях, так что Ян Юйин не стала спорить. Не готовить, так не готовить.

Остальные блюда для ужина готовили профессиональные повара семьи Чу. Они работали быстро, и еда была прекрасна и на вид, и на вкус, и на запах.

Господин Чу обожал острое, поэтому повара специально приготовили несколько острых блюд и поставили их перед ним. Зная, что в гостях будет ребёнок, который не ест острое, повар также приготовил сладкий суп и несколько сладких блюд и десертов.

Ужинали по-семейному, без лишних церемоний. Когда все восемь блюд были на столе, Ян Юйин сама поднялась наверх, чтобы позвать Фэйфэя и Чу Сяоханя.

Увидев Фэйфэя, господин Чу с нежностью помахал ему рукой:

— Иди скорее сюда, садись кушать рядом с дедушкой Чу.

Чу Сяохань никак не отреагировал на восторженное отношение деда к малышу и, в отличие от других детей, не выказал ни капли ревности.

Он по-братски взял Фэйфэя за руку и, как велел господин Чу, усадил его на стул, затем похлопал малыша по голове и сел на стул напротив.

Малыш растерянно провёл рукой по волосам там, где его похлопали.

Господин Чу с улыбкой наблюдал за этой сценой и сказал Линь Гошэну:

— Похоже, Сяохань и Фэйфэй отлично поладили.

Линь Гошэн тоже с улыбкой кивнул, радуясь зарождающейся дружбе мальчиков.

— Ешьте, ешьте. Вы-то не голодны, а дети наверняка проголодались, — нетерпеливо сказала Ян Юйин, видя, что двое стариков только разговаривают и не притрагиваются к еде.

Только после её слов все наконец принялись за еду.

На столе стояла тарелка с острым перцем и вяленным мясом — любимое блюдо господина Чу, и оно было поставлено прямо перед ним.

За столом в семье Чу не было правила «за едой не разговаривать», поэтому все ели и болтали.

Весь стол можно было условно поделить на две высотные зоны. До прихода Фэйфэя самым низкорослым, без сомнения, был Чу Сяохань. Сегодня, даже сидя на специально подложенной подушке, Фэйфэй всё равно оставался самым маленьким.

И вот, когда никто не обращал внимания, маленькая пухлая ручка, неумело сжимавшая палочки для еды, потянулась к тарелке с острым перцем и вяленным мясом.

<http://bllate.org/book/13654/1584522>